

Россия может стать политическим центром евразийского континента

Эксперты утверждают, что финансовый кризис приведет к краху современной либеральной идеологии и полностью перекроит геополитическую карту мира. О последствиях кризиса в интервью журналу "Профиль" рассуждает французский философ и политолог, основатель движения "Новые Правые" Ален де Бенуа, приглашенный в Москву Центром консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

— Как бы вы охарактеризовали нынешний финансовый кризис?

— Традиционно считается, что капитализм подпитывается кризисами, которые сам же и порождает. Однако речь идет о циклических или конъюнктурных кризисах, являющихся элементом саморегуляции капиталистической системы. Для их преодоления в действие приводятся отработанные механизмы стабилизации. Однако сейчас мы имеем дело со структурным кризисом, который стоит в одном ряду с экономическим коллапсом конца XIX века, Великой депрессией и нефтяным кризисом 1973 года.

Современный капитализм развивался на основе англосаксонской модели, подразумевающей разрыв между реальной экономикой и финансовой сферой, что обернулось в итоге появлением финансовых пузырей. Англосаксонская модель привела также к росту могущества акционеров, которые стали настоящими собственниками крупных предприятий, международных инвестиционных фондов и хедж-фондов. Акционеры стремились получить максимальную прибыль в максимально короткие сроки. С этой целью предприятия перемещались в развивающиеся страны, что позволяло уменьшить расходы на оплату квалифицированной рабочей силы. В результате рост капитала перестал соответствовать росту оплаты труда.

Это составляет основную характеристику нынешнего этапа развития капитализма, его кардинальное отличие от предшествующей, фордистской модели. В эпоху фордизма рабочие знали, что рост производительности автоматически приводит к увеличению оплаты их труда. Именно тогда образовался многочисленный средний класс. Причем если человек попадал в эту прослойку, ему надо было очень постараться, чтобы из нее вылететь. Сейчас ситуация изменилась. Мы можем наблюдать пауперизацию не только класса трудящихся, но и среднего класса. Естественным следствием стало снижение покупательной способности большинства населения и уменьшение спроса. Для поддержания относительно стабильного уровня жизни люди были вынуждены постоянно брать кредиты.

Потребление стимулировалось выгодными условиями кредитования, а не увеличением покупательной способности. И, что самое интересное, платежеспособность заемщиков при этом в расчет не принималась. Общая задолженность американских домохозяйств в итоге превысила все возможные нормы. Финансовые организации расплачивались друг с другом долговыми обязательствами своих клиентов. Сформировались рынки кредитов. Разрастание этих рынков в условиях практической невозможности обналечить кредитные облигации явилось одной из основных причин кризиса. В какой-то момент пирамида

должна была рухнуть, что и случилось этой осенью. Причем хотелось бы отметить, что окончательный обвал финансовой системы, по словам аналитиков, придется на 2009 год.

Финансовый кризис ведет к крушению либеральной идеологии, которая в эпоху Тэтчер и Рейгана привела к формированию системы «дерегулированного капитализма». Фундаментальным принципом этой идеологии было минимальное вмешательство государства в рыночные механизмы. Сейчас, когда крупнейшие банки, корпорации и страховые фонды просят государство предоставить им финансовую помощь, этот принцип не выдерживает критики.

— Каким будет новый мировой порядок, который возникнет после кризиса?

— Рассуждая о новом мировом порядке, люди почему-то забывают, что на текущий момент порядка в мире не существует. То, что мы видим сейчас, это мировой беспорядок. В будущем рынок, конечно, не исчезнет. Рыночная экономика успела доказать свою состоятельность и эффективность. Однако у рынка должны быть определенные границы, пора отказаться от идеи его саморегуляции. И нынешний финансовый кризис демонстрирует это со всей очевидностью.

Кроме того, миру необходимо реабилитировать политическую сферу. Идеологи современного либерализма придают значение лишь экономике и правовому сознанию, основанному на моралистской концепции прав человека. Политике в их системе приоритетов уготована незавидная роль, которая фактически сводится к техническому управлению — *gouvernance*. Управление людьми приравнивается к манипулированию вещами, теряется человеческое измерение социального и политического устройства. Политика предполагает возможность выбора, либералы же всегда стараются навязать единственно правильное техническое решение. Такой подход противоречит самой сути политического процесса, который нацелен на достижение всеобщего блага. Либеральные экономисты не могут это понять, поскольку верят в «невидимую руку рынка» и признают лишь стремление к личному благополучию. Однако необходимо помнить, что человек — это не просто производитель и потребитель. Человек — социальное животное. И принадлежность к коллективу, сакральная традиция, религия и духовность являются для него естественной формой существования и формируют смысл жизни.

И последнее: политика предполагает демократическую легитимность власти, которая, как это ни парадоксально, в либеральной системе не обеспечивается. Ведь новый правящий класс такой легитимностью не обладает. Граждане лишены возможности избирать тех людей, которые работают в международных центрах принятия решений и ведущих мировых СМИ. Таким образом, мы сталкиваемся с кризисом системы представительной демократии, для преодоления которого необходимо обратиться к концепции «демократии соучастия».

— Может ли нынешний кризис привести к сворачиванию процесса глобализации?

— Думаю, нет. Глобализация — это свершившийся факт. Однако она может иметь разные формы. Сегодня это — экономическая и технологическая унификация, попытка превратить Землю в один огромный рынок. Конечно, существует множество игроков, не желающих растворяться в процессе глобализации, которые пытаются сохранить свою

идентичность. К сожалению, в большинстве случаев их сопротивление принимает конвульсивные формы бессмысленного антиглобализма и шовинистического национализма. В том числе это относится к идеологии исламских радикалов.

Нам следует отказаться от формулы «Макмир против джихада». Вопрос необходимо ставить иначе: движемся мы к однополярной или многополярной глобализации? Многополярная глобализация — это единственный способ сохранить культурные различия и политическую самобытность. В том случае если в жизнь воплотится концепция мондиалистов, в мире не будет места политике.

Не вызывает сомнений, что вестфальская модель «государства-нации» уходит в прошлое. Национальные государства были слишком велики для того, чтобы удовлетворить повседневные требования простого человека, и слишком малы, чтобы ответить на планетарные вызовы. В последнее время ведутся разговоры о возрождении империй. Имперский опыт действительно может быть полезен. Ведь эта политическая модель могла справиться с глобальными проблемами и в то же время подразумевала уважительное отношение к локальным автономиям. В отличие от нее якобинская модель государства во Франции в результате чрезмерной централизации уничтожила политическую жизнь на местах.

Сегодня на локальном уровне мы должны возродить социальные связи внутри общины, разорванные в эпоху модерна, а на континентальном — создать крупные геополитические блоки, которые превратились бы в полюса, регулирующие процессы глобализации.

— Почему вы противопоставляете понятия «Запад» и «Европа»?

— Понятие «Запад» трансформировалось в ходе истории. В античную эпоху это была Римская империя, в классическую — Западом называли европейскую цивилизацию, которая постепенно расширяла свои границы, угрожая самобытности других культур и народов. Во время холодной войны западными считались все развитые некоммунистические государства, в том числе Япония. Запад всегда стремился обратить остальной мир в свою веру. В эпоху крестовых походов речь шла о принятии христианства, в эпоху колониализма — о насаждении политических принципов европейской государственности. Сегодня Запад пытается привить другим странам американскую модель развития и экономического роста.

Вопрос в том, заинтересована ли современная Европа в сохранении западного атлантического мира. На мой взгляд, это искусственное объединение. С геополитической точки зрения Европа — континентальное образование, а Соединенные Штаты — морская держава. И, учитывая извечное противостояние «моря» и «суши», их интересы не совпадают по определению.

— Как вы оцениваете нынешний этап европейской интеграции?

— Я поддерживаю идею единой Европы, однако категорически не согласен с тем, как она сейчас реализуется. Главная ошибка в том, что европейские государства объединяются на основе торговли и экономики, наивно полагая, что это создаст предпосылки для политического объединения. Кроме того, брюссельская еврократия не позволяет народам Европы участвовать в принятии решений о будущем континента. Предлагаемый ею

проект европейской конституции — это бюрократический документ, который занимает около 150 страниц и не имеет ничего общего с настоящей конституцией. В нем даже не говорится о том, какой властный институт будет отвечать за претворение основного европейского закона в жизнь. Как только у народа появлялась возможность сказать свое слово, он выступал против гротескного проекта еврократов. Так было во Франции и Нидерландах в 2005 году, так было и в Ирландии этим летом.

Еще одна ошибка брюссельских идеологов состоит в том, что они предпочли физическое расширение Союза укреплению его политического единства. В состав ЕС вошли зависимые от Вашингтона страны Центральной и Восточной Европы, которые лишены чувства европейской ответственности. В результате этих ошибок институты объединенной Европы фактически оказались парализованы.

Любопытно, что до сих пор нет четких представлений о том, ради чего объединяется Старый Свет. Есть две возможные альтернативы. Первая — превратить Европу в огромную зону свободного обмена без ясно очерченных границ, которая в дальнейшем интегрируется в общемировой рынок. Вторая — сделать ее независимой державой с четкими границами, учитывающими цивилизационные и геополитические факторы, создать на континенте автономный центр силы.

Второй сценарий, естественно, вызывает аллергию в Соединенных Штатах...

После крушения Советского Союза внешняя политика США была нацелена на то, чтобы воспрепятствовать возникновению конкурирующего центра силы. Поэтому Соединенные Штаты, которые благожелательно относятся к образованию зоны свободного обмена на европейском континенте, настроены против проектов политического, а тем более военного объединения ЕС. Они не раз давали понять, что осуждают идею создания автономной системы безопасности в Европе, которая поставила бы под вопрос привилегии НАТО. Пока Европа боится открыто заявлять о своей независимости, но в то же время не желает, чтобы ее воспринимали как американскую колонию. Способны ли европейцы бросить вызов Соединенным Штатам? Сегодня ЕС — вторая по величине экономика мира, ведущая торговая держава, которая превосходит США по численности населения. И у нее есть все шансы создать независимый центр силы. Особенно если Россия вернется к своей роли великой державы и будет готова воспринять Европу в рамках общей континентальной евразийской судьбы. Такая перспектива, конечно, пугает американцев. Не случайно они пытаются окружить Россию, поддерживая в соседних с ней странах очаги оппозиции и используя тактику «цветных революций».

— **Насколько, на ваш взгляд, оправданы опасения американцев?**

— Восстановление государственности в России пока не закончено. Система по-прежнему очень хрупкая. И если бы Путин отошел от власти, никто не мог бы поручиться за то, что страна будет двигаться в том же направлении. Возрождение российской мощи важно не только для самой России, но и для ее соседей. Хотелось бы, чтобы она вернула себе роль стратегического и политического центра евразийского континента, восстановила влияние в зоне своих традиционных интересов. Что же касается попыток США вторгнуться в эту зону, надеюсь, они провалятся, а американские пешки, которые служат интересам Вашингтона на постсоветском пространстве, будут отстранены от власти.

— **Нельзя сказать, что ваша точка зрения популярна в западных странах, особенно если вспомнить реакцию на события в Грузии...**

— Если говорить об американской реакции, то она была вполне предсказуема. Кавказский конфликт в США восприняли как вызов со стороны конкурирующей державы. А вот европейская реакция вызывает недоумение. Несмотря на то, что Россия лишь ответила на грузинскую агрессию, ее обвиняли в развязывании войны. В прессе публиковались смешные карикатурные статьи, которые сравнивали российскую операцию в Грузии с введением советских танков в Чехословакию в 1968 году. Для политиков ЕС неприязнь по отношению к Москве находится в прямой зависимости от их ориентации на Вашингтон. В европейском общественном мнении восприятие России куда более спокойное: нет ни враждебности, ни страха, ни антипатии.

— **Однажды вы заявили, что если бы приняли христианство, то лишь в его православной форме. Чем объясняется такой выбор?**

— Я не буду вдаваться в теологические детали. Просто когда я сравниваю три основных направления христианской традиции, больше всего мне импонирует православие. В католицизме отталкивает слишком рационалистический подход, в протестантизме — отсутствие культа святых и сокращение сакрального начала. В православии же привлекает обрядовое богатство, более тонкое и изысканное богословие. К тому же история России, которая всегда меня интересовала, неразрывно связана с православной традицией. Еще хотелось бы подчеркнуть, что у православия греческие корни, и, хотя в области права Европа многим обязана Риму, мне всегда была ближе Греция.